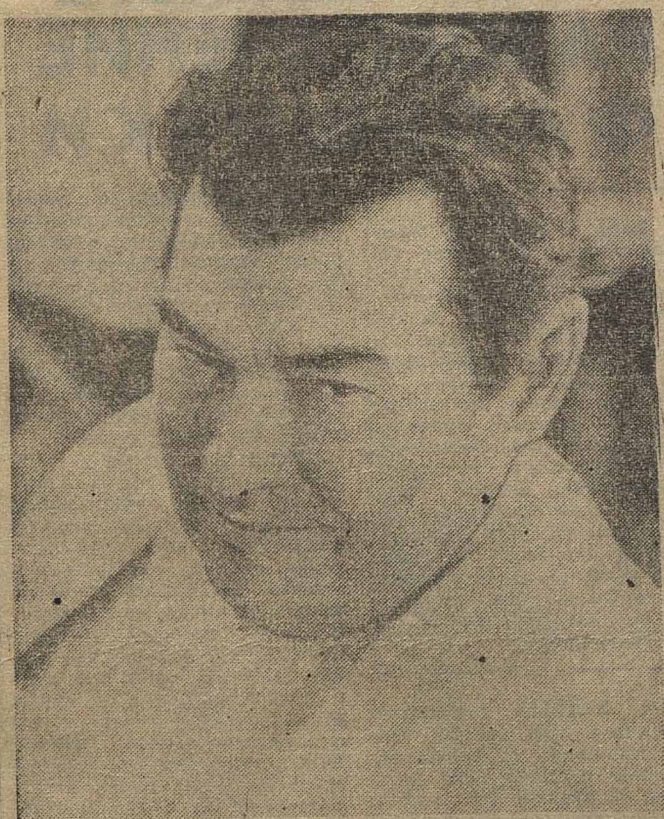

АДРЕС ПЕСНИ—ОТЕЧЕСТВО

Наш корреспондент Е. Брагилевская беседует с участником концертов фестиваля «Марийская осень-83» народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР Борисом Тимофеевичем Штоколовым.

— Мы, ваши слушатели, связываем звучание многих любимых оперных партий, народных песен, романсов с вашим исполнением. Меньше знаем о вашей судьбе, хотя в ней, я любопытствовала, столько необычного, что не могло не отразиться на творчестве. Вы ведь из поколения детей войны?

— Да, судьба, судьба... Война застала семью, где вместе со мной было пятеро детей, в Свердловске. Отец ушел на фронт, а такую ораву прокормить — тяжело. Сам в двенадцать лет стал и добытчиком, и кормильцем. Как доставал кусок — не спрашивайте... Позднее, в 1944-м, оказался в школе юнг.

— Это та самая знаменитая школа юнг Северного флота, о которой столько снято фильмов, написано книг?

— Она, родимая. Научив-

шая непростою правилу подчинения воинскому долгу, трудному для мальчишек. Там я ходил в запевалах, голос был высокий, звонкий. В семье пели, и я знал репертуар моих родителей, сам немного играл на гитаре. И потом, когда пришел служить на крейсер «Киров» торпедным электриком, тоже гитарными переборами и песней собирал вокруг себя матросов. Относился к пению как к забаве, а ребята мне прочли карьеру... Вот и напро- рочествовали!

Одно я знал тогда — вой-

на кончается, а у меня, пятнадцатилетнего, — пять классов образования. В 1946 году демобилизовался, приехал к маме. Решил идти искать работу, а по дороге увидел объявление о наборе в спецшколу ВВС. Но только требовалась там семилетка. И тут свершил я подлог: переделал справку сестры на свое имя, прочел комиссию, был зачислен.

Одно меня оправдывает: учился все годы отлично, боялся разоблачения и работал как зверь, чтобы не заподозрили.

— А пение?

— Пел, пел. К тому времени голос поломался, баритончик прорезался. В самодеятельности школы участвовал. Так и доучился до выпуска. И, наверное, быть мне военным человеком, если бы не приехал на выпускной вечер командующий Уральским военным округом Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Мы на него смотрели как на ходячую легенду. Имя Жукова было окружено ореолом славы. Он, поздравив выпускников, остался на концерт.

— А что вы пели в тот вечер?

— Ну, помню точно. Как во сне пел, волновался очень. И вдруг после концерта вызывают к начальнику школы. В кабинете — маршал и все наше начальство. «Таких, как ты, в авиации много, а тебе надо петь. За твой успех, парень!» — и протянул мне бокал с шампанским.

— А дальше?

— Стал курсантом Серпуховского училища, получил туда направление для учебы. Все пошло по расписанию: занятия, строевая, самоподготовка. Честно говоря, забываться стал тот разговор... Только однажды бежит солдат и — прямо с занятий срочно к замполиту училища.

Доложил, как положено. Он мне: «Значит, петь хотите?» — «Хочу». А у него на столе — направление на учебу в Свердловскую консерваторию, подписанное Георгием Константиновичем.

Не сразу сказка сказывается... Вызвали из ансамбля имени Александрова целую комиссию. Пел я им единственное, что знал из классического репертуара — романс Демона. Они поддержали мнение маршала.

Учился в консерватории, подрабатывал электриком в театре и петь начал в Свердловском оперном. В 1951 году на его сцене спел впервые партию Бориса Годунова. До сих пор самую мою любимую и дорогую. Годунов постоянно требует внимания. Характер, созданный гением Пушкина и Мусоргского, сложен, противоречив, дает артисту огромный диапазон действия.

— А в Кировский театр как вы перешли?

— Был приглашен петь Годунова. За 25 лет, что тружусь в Ленинграде, спел все басовые партии в русской оперной и зарубежной классике.

— И все-таки в последнее время вы отдаете предпочтение концертной деятельности...

— Мне стало дорого непосредственное общение с людьми, возможность вернуть людям прекрасную народную песню, созданную многомиллионным поэтом и композитором, прошедшую через много веков и живущую в сердцах! Сейчас готовлю новую программу — как вы знаете, пою песни 11—12 веков, вот через какое сито времени дошли до нас. Это настоящее, как лен и шелк в соседстве с нейлоном... И русский старинный романс из настоящего материала сделан.

— Вы много ездите с концертными программами?

— Люблю петь для людей труда. На БАМе четыре раза побывал, дружу со своими ленинградскими корабельщиками. Люблю их за правдивость, искренность. Бывает, пою в переполненном клубе. И приходит один прямо со смены. Снимет свою телогрейку, кинет в угол и присядет на нее. И я для него пою. Он ведь не станет играть в поддавки. Хорошо пою — будет сидеть. Плохо — встанет и уйдет, устал человек. Ему звания мои, прежние заслуги не застыт глаза. Это мне важнее всего.

Объездил полмира. Скушать о доме начинаю быстро. Все немилостиво без наших лесов. Хотя везде любят русское искусство и принимают от- лично.

— Попросила бы вас вспомнить ваше выступление в Чикаго.

— Там гастролировала «Ла Скала» с «Хованщиной» Мусоргского. Николай Бенуа, ставивший оперу и создавший к ней декорации, пригласил меня и Гяурова. Я пел Досифея. Он — Хованского. Получилось интересное сочетание двух голосов. Отзывы были великолепные.

— А что вас привлекает, кроме пения?

— Мне, кажется, что я был стал художником. До войны учился рисовать и сейчас храню свои работы. Что-то в них есть... Собак люблю, у меня их две. Одна потерялась, с горю взяла щенка, а через некоторое время нашу пропажу вернули. Ни с одной теперь не расстанусься!

— Ваши концерты в нашем городе стали радостным событием. Спасибо. Будьте здоровы, пойте долго!

Фото Б. Филатова.